

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Вторая четверть XIII в. отмечена в русской истории трагическими событиями татаро-монгольского нашествия. Необычайные военные успехи монголов вселяли ужас в европейские народы. В 1207 г. монголы покорили южную Сибирь, в 1211 г. — Китай, затем Туркестан, Афганистан, Иран. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1211—1223 гг. полчища монголов захватили Кавказ и Закавказье. В 1236 г. они переправились через Яик и покорили Волжскую Болгарию. В 1237 г. пала старая Рязань, разрушенная до основания после ожесточенного сопротивления, затем пали Владимир, Москва. Татаро-монголы рассеялись по русским городам и селам, «посекая людей, как траву». Через два года монголы овладели Киевом, затем вторглись в Галицию и Волынь, опустошили Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и в 1241 г. появились под стенами Вены, всюду сея смерть и разрушение.

Татаро-монгольское нашествие было воспринято на Руси как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Вот почему знаменитому русскому проповеднику XIII в., Серапиону Владимирскому, для выражения своего впечатления от нашествия приходили на память образы землетрясения.

Катастрофические события второй четверти XIII в. действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень.

«России определено было высокое предназначение. . . — писал А. С. Пушкин. — Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией. . . но, — добавляет А. С. Пушкин, — Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».¹²

Не меньшее зло, чем само нашествие, причинило установившееся затем на долгие годы татаро-монгольское иго. Чужеземный гнет пагубно воздействовал на развитие русской культуры. Полностью прекратилось на некоторое время каменное строительство. Сильнейшим образом пострадали ремесла. Татаро-монголы массами выводили ремесленников из захваченных ими городов Средней Азии и Восточной Европы. Так было при взятии Хорезма и Мерва в Средней Азии, так было и при захвате русских городов. Вот почему после татаро-монгольского нашествия не только приостановилось на многие годы развитие ремесел, но ряд их исчез совершенно. Исчезло искусство перегородчатой эмали, прекратилось производство пряслиц из овручского шифера, стеклянных браслетов, перестали выделяться изделия с чернью и зернью, забылась резьба по камню, не стало многоцветной поливной керамики, применявшейся в строительстве (производство последней возобновилось только с конца XV в.), и многого другого.

*

Татарское нашествие разорило сельское хозяйство. Многие поля запустили, поросли сорняками. Постепенно, однако, сельское хозяйство начало оправляться. Все большее распространение стала получать двух- и трехпольная система земледелия. Крестьяне продвигались все дальше и дальше на север и на восток, расчищая леса под пашни. За ними возникали монастыри и строились города. Высеивались рожь, пшеница, ячмень, просо, гречиха, овес, горох, возделывались конопля и лен. Археологами найдены

¹² А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской. Полное собр. соч. в десяти томах, т. VII, М., 1958, стр. 306.

семена огурцов и тыквы. Сажалась, по-видимому, капуста. В садах росли яблони, вишни, сливы. Есть указание на разведение дынь. Большое развитие получило скотоводство, пчеловодство и охота. Из орудий сельского хозяйства употреблялась соха разных типов, но был уже известен с домонгольских времен и плуг. Сохи и плуги были снабжены железными наконечниками («сошниками» или «лемехами»). Употреблялись также, как и в предшествующее время, различные бороны, косы, серпы, грабли, вилы, но зерно молотось уже не только вручную, а на водяных и ветряных мельницах. Лопаты («рыла») были деревянные, окованные железом по рабочему краю. Большое число находок разнообразных орудий охоты и рыболовства свидетельствует о развитии этих промыслов.

Однако положение крестьян было очень тяжелым. Большая часть земель находилась в руках светских и церковных землевладельцев. Те и другие захватывали земли крестьян. Крестьяне находились в зависимости от феодалов, были обложены повинностями. Под тяжестью эксплуатации крестьяне боролись за землю как могли, стремились найти «управу» в суде, часто вынуждены бывали покинуть свои участки, переходить в другое княжество к другим землевладельцам или прибегать к разбою. Последнее было своеобразной формой протеста против феодального гнета.

*

Уже в конце XIV—XV в. русское прикладное искусство и ремесло вновь достигают высокого совершенства. Показателями этого совершенства могут служить и рядовые изделия, найденные при раскопках в Новгороде и в Зарядье в Москве, и отдельные произведения ювелирного искусства, как например чаша красного мрамора в золотой сканой оправе, выполненная мастером Иваном Фоминым в 1449 г., отдельные изумительные образцы шитья, роскошные, выполненные ювелирами, оклады на переплеты книг и т. д.

Совершенство отдельных произведений прикладного искусства, памятников зодчества, отчасти монументальной живописи объяснялось тем, что прерванное татаро-монголами развитие русских городов и городских ремесел вскоре

возобновилось и городская культура стала расти с новой силой. Роль русских ремесленников в развитии русской культуры этого времени чрезвычайно велика. Они выпускали свои изделия для рынков и увеличивали торговлю между городами, усиливая стремление русского народа к слиянию в единое государство и к преодолению феодальной раздробленности. Развивая ремесла, они способствовали повышению мощи русского войска. В частности, огромное значение имело раннее развитие русской артиллерии. Пушки стали употребляться на Руси уже в конце XIV в. Первое упоминание о пушках относится в летописи к 1382 г. Вскоре появились у нас прекрасные мастера, отливавшие пушки в Москве, в Твери и в других городах. В 1484 г. мастер Яков отлил пушку в 16 пудов (более 250 килограммов) — в четыре раза больше и тяжелее итальянских пушек того же времени.

Ремесленники русских городов были по-своему образованными людьми. В их среде была широко развита грамотность, о чем ясно свидетельствует огромное число частных писем на бересте XIII—XV вв., найденных при раскопках в Новгороде. Существовала среди ремесленников и профессия переписчиков рукописных книг. Исследователь русского ремесла Б. А. Рыбаков считает, что из 110 писцов этого времени, которые известны нам по именам, только 47 были служителями церкви, а остальные 63 — светскими людьми.

Не удивительно, что в среде ремесленников стали развиваться вольнодумство и еретичество. В конце XIV—начале XV в. в Новгороде и Пскове появилась ересь стригольников. Последние выступали против церковной иерархии за равенство всех в делах религии. Идеи стригольников были прогрессивными для своего времени.

В городах часто возникали волнения и целые восстания. В XV в. восстания зарегистрированы летописями в Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске.

*

Меньше других областей культуры на первых порах пострадала литература и, в особенности, литература историческая — летописи. В родной истории русские люди черпали надежду на освобождение, великое прошлое подкре-

пляло их патриотизм, вселяло убеждение в высокое историческое призвание Руси.

Литература середины и второй половины XIII в. представлена замечательными произведениями, посвященными событиям татаро-монгольского нашествия. Здесь могут быть названы две повести о Калкской битве, летописная повесть о взятии Батыем города Владимира, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и ряд других. Все эти произведения овеяны теплой, лирической скорбью о былом величии Русской земли, все они очень эмоциональны, поэтичны, отражают воздействие народной поэзии, и в них нет отчаяния. Напротив, повествуя о страшной гибели русского войска, русских городов, их населения, они с гордостью описывают мужество сопротивления, с гордостью говорят о былой славе Русской земли, подчеркивают моральную победу русских, предпочитавших гибель в бою позорной сдаче врагу.

Особенно известно среди этих произведений «Слово о погибели Русской земли», представляющее собой поэтический плач о «светло светлой и украсно украшенной земле Русьской». Не менее известна и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Ее центральный эпизод — гибель рязанского богатыря Евпатия Коловрата, который, собрав после гибели рязанского войска небольшую дружину, напал на стан Батыева войска и с такою яростью стал рубить врагов, что все Батыево войско пришло в смятение, думая, что мертвые восстали и мстят им за себя. С большим трудом удалось татарам убить Евпатия из стенобитных орудий. Когда принесли тело Евпатия к Батыю, созвал Батый своих мурз, князей и вельмож, и сказали татары: «Мы со многими царями во многих землях на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знающие смерти: так они крепко и мужественно сражаются — один с тысячею, а два с десятью тысячами. И ни один из них не съедет живым с побоища». Батый пожалел Евпатия и отдал его тело похоронить с честью.

К тому же времени относится и известное Житие Александра Невского, где в поэтической форме рассказывается о Невской битве, о Ледовом побоище на Чудском озере, об отношениях Александра Невского с Золотой ордой и о смерти князя.

Вера в силу Русской земли, в существование непокоренных городов сказалась и в «Сказании о граде Китеже», впоследствии послужившем темой гениальной оперы Н. А. Римского-Корсакова под тем же названием. Среди заволжских лесов на берегу озера Светлояра существовал город Большой Китеж. После гибели китежского войска татарам не удалось завладеть Китежом, он стал невидимым, и только иногда люди чистые сердцем могут видеть его отражение в озере Светлояре, слышать звон его колоколов и даже войти в него и укрыться от врагов.

*

Общий подъем культуры начинается в XIV в. Русь возрождается и крепнет. Возникают новые крупные центры хозяйственной и политической жизни: Москва и Тверь. Сохраняет свое былое значение Новгород, куда не смогли дойти войска Батыя. Выгодное положение Москвы в центре северо-восточной Руси, хорошо защищенном окраинными русскими княжествами от опустошительных набегов кочевников, удобство речных и сухопутных торговых путей, связывавших Москву с Волгой и северо-западом Руси, привели к быстрому росту ее населения, богатства и влияния. Именно здесь, в Москве, зреет мысль об объединении всей Руси. Московские князья принимают титул великих князей «всея Руси», московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, следя за событиями во всех русских княжествах. Дмитрий Донской принимает на себя защиту общерусских интересов и от татар и от Литвы. Постепенно народ начинает смотреть на Москву как на оплот своего единения: под знамена Дмитрия Ивановича Московского собираются войска почти всех русских княжеств, и гром Куликовской победы отзывается во всех русских областях.

Лишь усобицы князей в середине XV в. затормозили поступательное развитие русской государственности и русской культуры. Война Василия Темного с Юрием, а затем с его сыновьями — Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, сопровождавшаяся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями, воочию показала все отрицательные черты феодальной раздробленности. В результате число сторонников сильной кня-

жеской власти Москвы растет особенно быстро — и в среде купцов, и в среде ремесленников, и в среде землевладельцев. С другой стороны, быстрое экономическое развитие русских земель, развитие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготавливало постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство. Процесс объединения Руси ускорялся военной опасностью, необходимостью обороны страны от внешних врагов.

*

Со второй половины XIV в., особенно в годы, непосредственно предшествовавшие Куликовской победе, и после нее, начинается возрождение культуры, резкий подъем культурного развития. Характерною чертою этого культурного подъема было особое внимание к государственным интересам страны, к ее национальному объединению под властью Москвы.

Знаменательно, что в поисках опоры для своего культурного возрождения русские обращаются к эпохе былой независимости русского народа — к домонгольской Руси и к ее культуре, к ее политическим идеям, к ее памятникам зодчества, к ее литературным произведениям и т. д. Этот повышенный интерес к старому Киеву, к старому Владимиру, к старому Новгороду в конце XIV—XV в. отразился в усиленной работе исторической мысли, в составлении многочисленных и обширных летописных сводов, исторических сочинений, в обостренном внимании к «Повести временных лет», к «Слову о полку Игореве» и т. д. Московские великие князья озабочены составлением генеалогий, в которых возводят свой род к Владимиру Мономаху и Владимиру I Святославичу. Они претендуют на все наследие киевских князей.

Обращение ко временам национальной независимости — к домонгольской Руси, сказавшееся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имело глубоко народный характер. В этом убеждают русские былины, где эти идеи сказались в полной мере.

Как известно, существуют в основном два цикла русских былин — киевский и новгородский.

Наиболее значительный цикл — Киевский, с его богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем — объединяет действие былин вокруг Киева и киевского князя Владимира Красного Солнышка (Владимира I Святославича), ко временам которого относился расцвет могущества Киевской Руси. Есть все основания полагать, что сложение русского былевого эпоса в этот киевский цикл, начавшееся еще в XI в., особенно усиленно протекало в XIV и XV вв. В самом деле, хотя основные сюжеты былинных песен о князе Владимире относятся еще к домонгольским временам (например, сюжеты, связанные с Добрыней Никитичем, отразившиеся в древнейших русских летописях), однако присоединение к ним сказаний рязанских, тверских, муромских и ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое государство. Но создание этого цикла явно не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве (т. е. после 70—80-х годов XIV в.), так как новгородские былины (о Садко, о Василии Буслаевиче и др.) не присоединились к этому киевскому циклу: новгородские былины остались без той объединяющей личности, которую получили былины киевские, ростовские, рязанские, муромские в лице Владимира Красного Солнышка, при дворе которого собираются основные русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Особенно характерно для этого процесса объединения былин вокруг Киева и киевского князя Владимира развитие былин об Алеше Поповиче, которое мы можем проследить по их отражению в письменных источниках. В одних былинах, наиболее древних, Алеша Попович — «ростовский житель» и защищает Ростов при ростовском князе Константине в XIII в. В других, более поздних былинах, он переезжает в Киев к «единому» русскому князю Мстиславу Романовичу и здесь, на юге Руси, гибнет за общерусское дело в битве с татарами. В третьих — он защищает Киев от половцев при Владимире Мономахе, а в четвертых, наиболее поздних, защищает Киев от печенегов при Владимире Святославиче и уже называется «богатырем» (сперва он только «храбр» — витязь).

Этот переезд Алеша Поповича из Ростова в Киев типичен и для других местных богатырей. В поздних записях

былин — XIX—XX вв. — сохранились рассказы о приезде в Киев Алеши Поповича и Екима Ивановича из Ростова, Ильи Муромца из Мурома, Добрыни из Рязани, Дюка Степановича из «Волынца-Галича». Приезжают в Киев и Чурило Пленкович, и Никита Залешанин, и другие богатыри. В некоторых из этих поздних записей былин говорится о том, что богатырь приезжает в Киев, услышав о нависшей над Киевом опасности. Смысл этих приездов — в отказе богатыря служить местным интересам князей ради служения родине. Впоследствии в былинах смысл этих приездов затемнился, и остались только сами факты приезда местного богатыря в центр — в Киев.

*

К концу XIV—началу XV в. относится и подъем русской литературы, совершившийся на основе того же обращения к традициям времени национальной независимости. В конце XIV в. Москва постепенно становится крупнейшим средоточием литературных сил. Куликовская битва, принеся с собой общий народный подъем, вызвала в Москве появление различных, посвященных ей произведений. Наиболее совершенное из этих произведений — «Задонщина», названная так по месту битвы на Куликовском поле «за Доном». «Задонщина» по существу представляет собою поэтическое прославление русской победы на Дону. Прославление это соединяется с элегической печалью о павших. По выражению автора «Задонщины», — это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты восхваления удачно сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость с «тугою», грозные предчувствия со счастливыми предзнаменованиями и т. д. Естественно, что для своего замысла автор «Задонщины» не мог найти лучшего образца, чем «Слово о полку Игореве». Однако автор «Задонщины» имел в виду не только использовать художественную сторону «Слова». Он сопоставляет события, изображенные в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. Там было поражение русских, здесь совершилась победа. Центральная идея «Задонщины» — идея отплаты врагам. Куликовская победа рассматривается в «Задонщине» как

отплата врагам Руси за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле.

В первой половине XV в. было создано и другое произведение на тему о Куликовской победе, получившее чрезвычайное распространение на Руси в XV, XVI и XVII вв.: «Сказание о Мамаевом побоище».

Куликовская победа послужила толчком для создания еще ряда других произведений о борьбе с татарами. Тема борьбы с чужеземным игом становится излюбленной темой русской литературы. В XV в. перерабатываются в сложные литературные произведения многочисленные народные предания о борьбе с татарами, сохранившиеся в Твери, Рязани, Смоленске и в других русских городах и княжествах.

С конца XIV в. усиленно развивается летописание. Со времени своего возникновения в первой половине XI в. оно ни разу не прерывалось, охватывая своими записями события всех русских земель. Оно велось в городах, в отдельных монастырях, в различных княжеских и епископских дворах. Вся культура того времени была проникнута интересом к своей истории. Особенно усиленно начало развиваться летописание в Москве с конца XIV в. Московские князья основывали свою политику на свидетельствах летописи, на исторических ссылках, умело сообразуя историческое прошлое русского народа с задачами, выдвигаемыми настоящим.

Началу XV в. принадлежит большая московская летопись, получившая позднее название Троицкой.¹³

Кроме Троицкой летописи, в Москве составлялись и другие летописи — обширные, обстоятельные, впитавшие в себя разнообразный исторический материал: исторические повести, жития святых, отдельные документы и т. д.

Большие летописные своды возникают в это время в Твери, в Нижнем Новгороде, в Ростове, в Смоленске, в Пскове и в других городах. Особенно славятся ценностью

¹³ Эта Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 г., но советский ученый М. Д. Приселков на основании многолетних изысканий сумел восстановить ее текст. Работа М. Д. Приселкова по восстановлению текста давно сгоревшей летописи — одно из замечательных достижений современной филологической науки (М. Д. Приселков. «Троицкая летопись». М.—Л., 1950).

своего исторического материала обширные летописи Новгорода Великого. Но летописи Москвы отличаются от всех них своею особенною внимательностью к истории Киевской Руси и широтой охвата материала: они рассказывают о событиях во всех городах Русской земли, а не только в Москве. Москва сознает себя преемницей Киева и Владимиро-Суздальского княжества, она сознает себя центром всей Русской земли, и ее летописи являлись историей всей страны, а не одного только города или одного только княжества.

Кроме составления новых летописей во множестве переписывались и старые. Две дошедшие до нас рукописи летописей XV в. особенно замечательны: это летопись Ипатьевская, получившая свое название от Ипатьевского монастыря близ Костромы, где она находилась, но переписанная ранее где-то в Псковской области, и летопись Радзивилловская, или Кенигсбергская, находившаяся в XVII в. во владении польских магнатов Радзивилов, а затем в Кенигсберге, и в середине XVIII в. возвращенная в Россию. Радзивилловская летопись, составленная, по-видимому, где-то в Смоленской области, украшена 617 превосходными миниатюрами, иллюстрирующими всю русскую историю до начала XIII в.¹⁴

Никогда не ослабевал на Руси интерес к мировой истории. Эта история была представлена рядом огромных хронографов, из которых более всего был известен в древней Руси так называемый «Елинский и Римский летописец». В середине XV в. была составлена другая всемирная история — менее громоздкая и более удобная в чтении, включившая в свой состав и краткие сведения по русской истории, — так называемый «Русский хронограф».

Особенное развитие в XIV и XV вв. получает живопись. На эту эпоху падает расцвет древнерусской живописи.

¹⁴ Летопись эта издана фотомеханически в 1902 г. из страницы в страницу со всеми своими миниатюрами. Обе летописи (и Ипатьевская, и Радзивилловская) хранятся в настоящее время в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

Этот расцвет русской живописи в XIV—XV вв. также в значительной мере совершается на основе обращения к произведениям домонгольской Руси. Расписываются старые здания церквей, возобновляются старые памятники живописи. Однако новое искусство живее, искреннее прежнего. Оно полно движения, внимания ко всему индивидуальному. Краски новой живописи, сияющие и жизнерадостные, ближе воспроизводят цвета природы, менее условны и строже согласуются друг с другом.

Расцвет живописи проходит под знаком внимания к человеческой психологии. Человек и все человеческое становятся центральной темой. Изобразительное искусство широко открывается для воспроизведения сложных человеческих переживаний. Художники подчеркивают человеческие страдания Христа на кресте, стремятся передать чувство материнства в богородице и различные психологические состояния святых. Они очеловечивают образы Христа, богородицы, святых. В «священных» сюжетах раскрывается не столько их богословское содержание, сколько психология действующих лиц.

Живопись этой поры обогащается новыми темами, ее сюжеты значительно усложняются, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстазическое волнение. «Священные» сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее. В изображении человеческого образа сказалось живое наблюдение. Вместо изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремленным на зрителя взором, что было так характерно для стенописи XI—XII вв. (например, для фресок Нередицы), живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении. Человеческие фигуры обращены не к зрителю, а как бы вовлечены во внутреннюю, не зависящую от зрителя жизнь. Художники заставляют человеческие тела изгибаться, обращают их друг к другу, разворачивают складки их одежды, как бы колеблемые сильным ветром. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлиненные фигуры, одежды в многочисленных и беспокойных складках характерны для новгородских фресок той поры, сделавших значительные шаги к реализму. Усили-

лась и роль пейзажа, охваченного тем же бурным, все пронизывающим движением. В орнамент проникают натуралистические детали. Особенно часты в нем растительные мотивы: расцветающие почки, сильно изогнутые листья каких-то фантастических трав.

В трех километрах от Новгорода, на берегу одного из рукавов Волхова — Волховца (или Жилотуга), находилась прославленная своими фресками церковь Успения на Волотовом поле. До разрушения ее фашистами она представляла собою одну из самых больших ценностей русского искусства. Волотовская церковь была построена в 1352 г. архиепископом Моисеем. Главная достопримечательность церкви заключалась в ее прекрасно сохранившихся фресках, основная часть которых относилась к 1363 г.

Фрески Волотовской церкви были выдержаны в одной гамме, сочетающей глубокие серовато-синие тона с розовыми и зеленоватыми. Общая композиция фресок была охвачена единым движением. Человеческие фигуры, скачущие всадники, молниевидные изломы скал казались разметанными ветром по стенам. Большинство сложных изображений имело диагональную композицию, подчеркивавшую движение и прямо противоположную застылости строгих вертикальных композиций XI—XII вв. Изображения исполнены мягко, эскизно, их контуры несколько растушеваны, художник стремился передать ощущение пространства, и фигуры производили впечатление реющих перед стеной призраков.

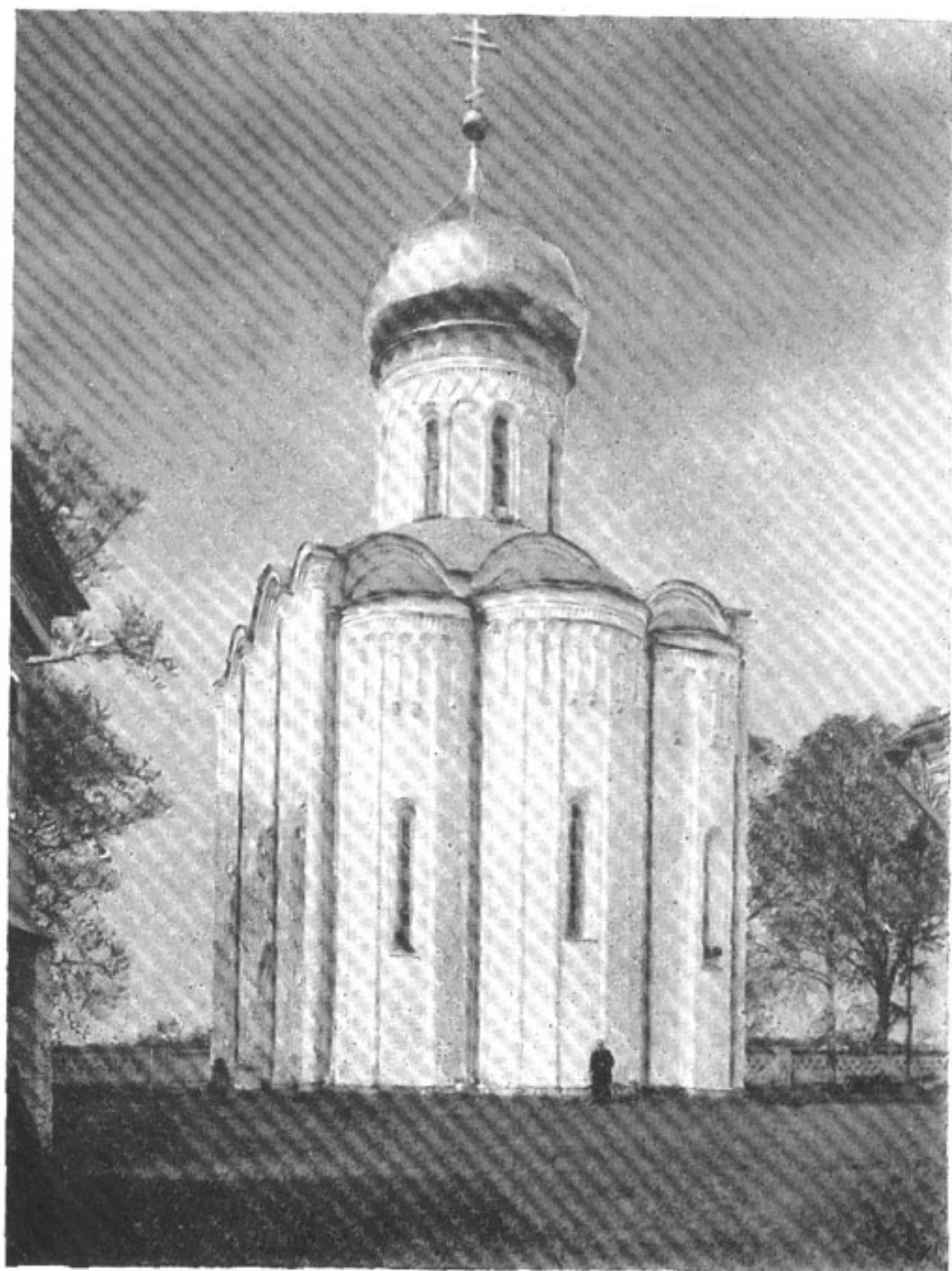
В композиции «Рождества» поразительно сильно выражено движение волхвов, мчащихся в развевающихся одеждах на белых конях на фоне динамического, напряженного горного пейзажа. Все движение в этой композиции подчинено властному, указывающему вперед движению руки женской фигуры, символизировавшей собою рождественскую звезду, показавшую волхвам путь в Вифлеем.

В композиции «Вознесения» апостолы как бы стремятся взлететь вслед за возносящимся Христом. Тем же порывом охвачены извивы пейзажа и складки раздуваемых ветром одежд апостолов.

Исключительной порывистостью отличается поза отпрянувшего от Марии Магдалины Христа в фреске «Воскресение».

9. Успенский собор во Владимире. 1158—1189 гг.

10. Церковь Покрова на Нерли близ Владимира. 1165.

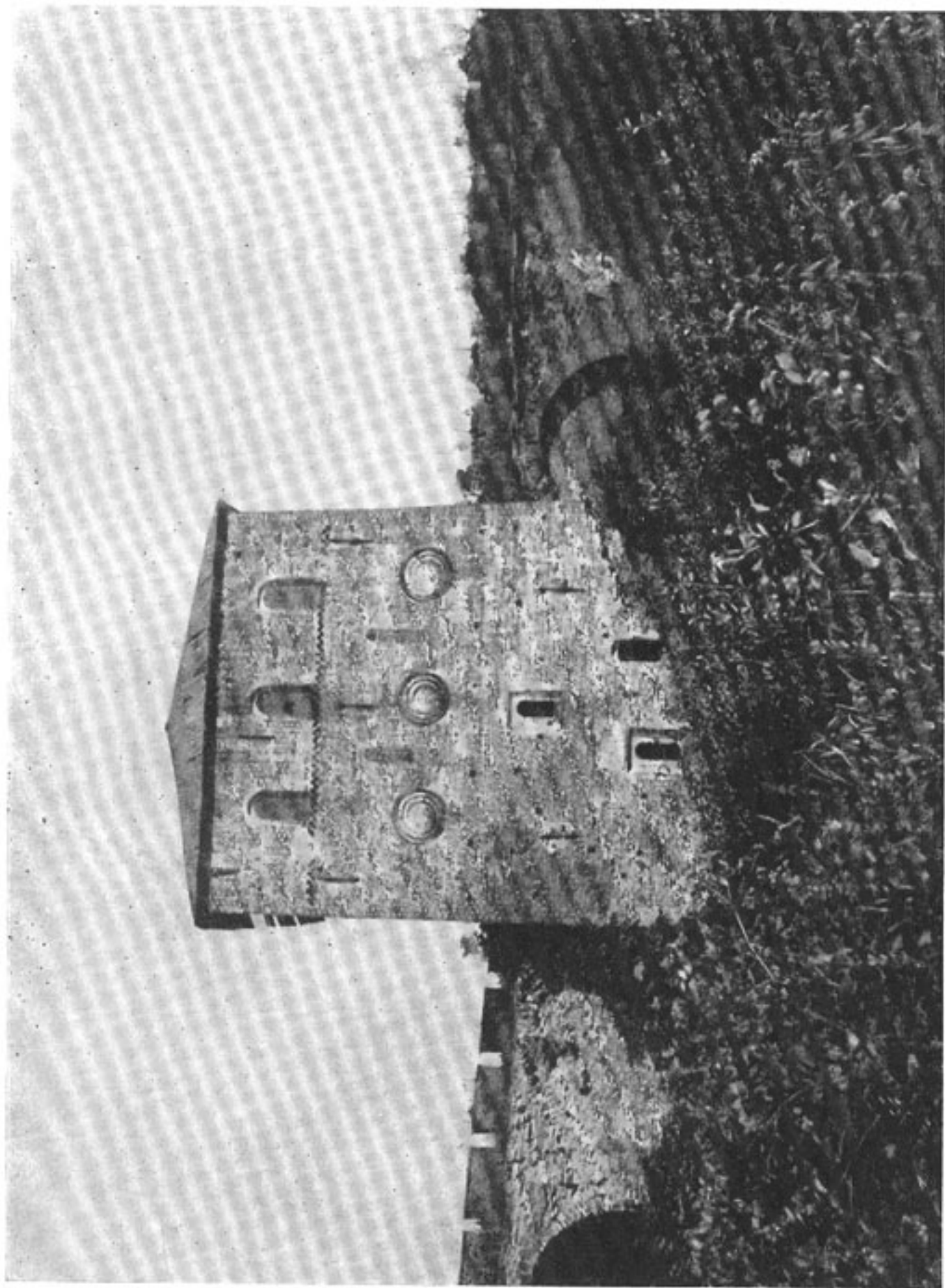

11. Каменные украшения Дмитриевского собора во Владимире.
1193—1197 гг. Деталь.

12. Микудинская чаша XV в. князя Юрия Даниловича.
Государственный Исторический музей.

Handwritten signature or mark.

13. Княжая башня Новгородского Кремля. XV в.

14. Голова ангела. Деталь иконы «Троица» Андрея Рублева.
Начало XV в.

Государственная Третьяковская галерея.

15. Дмитрий Солунский. Деталь иконы из Троицкого собора
Троице-Сергиевой лавры. 20-е годы XV в.

16. Церковь Успения в селе Волоотово близ Новгорода. 1352 г.

В композиции «Воскрешение Лазаря» Мария распростерта на земле и всем телом тянется к ногам Христа; Марфа быстро устремляется от земли к Христу, требуя чуда. Повелительный жест Христа, воскрешающего Лазаря, исполнен силы. Вся композиция проникнута исключительным драматизмом.

Меняется и самый облик богородицы, из величественной «царицы небесной» она становится девочкой с еще детским лицом, остро выражающим человеческую скорбь о Христе (в композиции «Вознесение»).

По своему содержанию и по трактовке «священных» сюжетов росписи Волотова значительно отступали от церковной традиции. Отдельные детали композиций и целые сюжеты были заимствованы из народных легенд, проникнутых ненавистью к богатым, к господствующим классам. Одна из композиций изображает Христа в образе нищего с сумой и посохом, в рубище, босого, пришедшего в богатый монастырь во время пиршества и безжалостно прогнанного игуменом. Жизненны и естественны полные движения позы пирующих, их одежды типичны для XIV в., возможно, даже следуют правилам тогдашней моды.

Не лишены, очевидно, портретного сходства изображения новгородских архиепископов Моисея и Алексея — современников волотовских росписей. Волотовский мастер, гениально расписавший стены небольшой церкви, стремился как бы приблизить религиозные сюжеты к своей современности, насытить их человеческим содержанием (передать психологические переживания), внести в них то религиозное вольнодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей.

Знаменитые фрески новгородской церкви Федора Стратилата относятся ко времени после 1360 г. (год построения церкви). Точно дата их появления не выяснена. Вероятнее всего они были выполнены до XV в. Фрески Федора Стратилата мягче, лиричнее фресок Волотова. Их розово-сиреневатая, дымчатая гамма еще прозрачнее волотовской. Движение ритмичнее. В более просторных помещениях храма еще резче проявляется характер прозрачности росписи. Вместе с тем в них еще сильнее сказывается сентиментальный, эмоциональный дух, особенно типичный для XIV в. В композиции «Сошествие во ад» Христос всепрощающим жестом привлекает к себе грешников. Он из-

бавляет их от страданий в аду, и грешники, полные любви к своему спасителю, со всех сторон устремляются к нему.

Резко иной характер имели ныне уничтоженные фашистскими захватчиками новгородские фрески Ковалева (1380 г.), которые обычно принято сопоставлять с одновременными им росписями сербских храмов. Ковалевские фрески были вместе с волотовскими одной из самых больших достопримечательностей Новгорода.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на кладбище и раскрытые в 1937 г. фрески новгородского Сковородского монастыря, уничтоженного фашистскими захватчиками. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчетливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличались и фрески Сковородского монастыря, выдержанные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и желто-оранжевых тонах. Среди расчищенных фресок имелись сложные многофигурные композиции «Вознесение», «Воскрешение Лазаря» и «Вход в Иерусалим», выполненные не одним, а, по-видимому, несколькими мастерами.

Среди художников XIV—XV вв. особое место занимает гениальный мастер — Феофан Грек. Он приехал в Новгород из Византии, но живопись его восприняла многое из русского искусства и в свою очередь оказала сильное влияние на русских художников. Его необыкновенный талант живописной импровизации, расчетливость мазка, необычайная уверенность письма, умение достигать огромного живописного эффекта скупыми средствами, мудрость и глубина содержания, умение проникать в человеческую психологию и характеризовать человеческую личность немногими штрихами справедливо заслужили ему прозвание «философа».

В Новгороде Феофан Грек расписал церковь Спаса на Ильине. Эти росписи и до сих пор поражают всех, кто приезжает в Новгород для их осмотра. Из Новгорода Феофан переехал в Москву, работал в Нижнем Новгороде и, по-видимому, в других местах. В 1395—1396 гг. Феофан Грек совместно с Симеоном Черным расписывает в Москве церковь Рождества богородицы с приделом Лазаря. В 1399 г. он расписывает Архангельский собор Московского Кремля. В 1405 г. вместе со старцем Прохором из волжского города

Городца и знаменитым русским живописцем Андреем Рублевым он работает в кремлевском Благовещенском соборе. Занимался Феофан и светскою живописью: на стене одного из княжеских домов в Москве Феофан изобразил панораму Москвы, а на особом листе — храм Софии в Константинополе. К сожалению, эти последние работы Феофана не сохранились.

Андрей Рублев был младшим современником Феофана. Он родился в 60—70-х годах XIV в. и умер около 1430 г. Его деятельность началась в Троице-Сергиевом монастыре. Оттуда Рублев перешел ближе к Москве, в Андроников монастырь (теперь он в черте города; здесь сейчас помещается музей имени Андрея Рублева), где и умер.

Живописных произведений Андрея Рублева сохранилось немного, но то, что известно о его деятельности, свидетельствует, что все его творчество неразрывно связано с Москвой. Как уже говорилось, в 1405 г. Андрей Рублев вместе со старцем Прохором и Феофаном расписывает Благовещенский собор Московского Кремля. В 1408 г., по приказанию московского великого князя Василия Дмитриевича, Андрей Рублев совместно со своим неразлучным другом Даниилом Черным работает в Успенском соборе во Владимире. В 1424—1426 гг. с Даниилом Черным он был приглашен для росписи фресками и украшения иконами Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре (теперь в г. Загорске). Именно к этому времени относится, по-видимому, и самое совершенное из известных произведений Андрея Рублева — его знаменитая «Троица», ныне хранящаяся в Третьяковской галерее в Москве. До Октябрьской революции «Троица» считалась единственным достоверно принадлежащим Андрею Рублеву произведением. Только в советское время удалось составить более полное представление о творчестве Рублева. Была расчищена часть фресок, выполненных Андреем Рублевым и Даниилом Черным во владимирском Успенском соборе. Около Владимира в селе Васильевском была найдена часть икон из того же Успенского собора. Рублевские иконы удалось обнаружить в Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде и в других местах. Частично были расчищены работы Рублева в Троицком соборе Троице-Сергиевской лавры, в Благовещенском соборе Московского Кремля и т. д.

Гениальное творчество Андрея Рублева всегда привлекало исключительное внимание последующих поколений. Оно стало предметом легенд и страстных споров. С именем Андрея Рублева соединялось все лучшее, что было в древнерусской живописи. Его живописным произведениям дивились современники и отдаленные потомки. О судьбе его икон записывалось в летописи. Исследователи XIX и XX вв. сравнивали Андрея Рублева с прославленными мастерами Италии — Беато Анжелико, Чимабуэ, Перуджино, Джорджоне, Рафаэлем и Леонардо да Винчи, с мастерами античности. И действительно, в творчестве Андрея Рублева есть нечто, что роднит его с лучшими мастерами человечества: глубокий гуманизм, высокий идеал человечности, отличавший и гениев античности и гениев Возрождения.

Творчество Рублева с необычайной силой оживлено дыханием античности, традиции которой передавались на Русь через Византию. Эти традиции обнаруживаются в одухотворенности человеческих образов, в ритме линий, в движении человеческого тела, в замкнутости и совершенстве композиций, в общей глубокой и сдержанной жизнерадостности живописи, исполненной блаженно ясных и глубоких чувств.

Андрей Рублев был первым русским живописцем, в творчестве которого с особенной силой сказались национальные черты. Высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства — черты не лично авторские: они взяты им из русской действительности. В этом убеждает воплощенный в его произведениях образ человека. Он не мог быть выдуман художником, он реально существовал в русской жизни. Грубые и дикие нравы не могли дать той утонченной и изящной человечности, которая зримо присутствует в творениях Рублева и его школы. Если бы от XIV—XV вв. не сохранилось ничего, кроме произведений Рублева, то их одних было бы достаточно, чтобы судить о высоком развитии на Руси как человеческой личности, так и общественной культуры. Именно эти «общественные» корни человеческого идеала Андрея Рублева и делают его творчество глубоко национальным. Русский национальный тип лица явственно ощущается в рублевском «Спасе» из звенигородского собора, в апостоле Павле на фреске Успенского собора во Владимире и др.

Лучшее из произведений Андрея Рублева — его знаменитая «Троица» — сочетает в себе богословский символический сюжет с высоким гуманизмом и простой человеческой правдой. Она изображает трех ангелов, явившихся по библейскому рассказу Аврааму. Символика изображения доступна лишь сведущему богослову. Однако на первый план выступает иная, человеческая правда: светлая грусть ангелов, навеянная сочувствием к страдающему человечеству, их безмолвная беседа — раздумье о грядущих судьбах мира, их легкая усталость, сказывающаяся в тихом наклоне их голов, их нежная любовь друг к другу. Замечательно, что грусть Рублева не пессимистична. Это грусть мечты, раздумья, чистой лирики. Жизнерадостность Рублева с необычайной силой передана в ярких, чистых, легких, как бы звенящих красках, в ясности линий и изяществе композиции. С гениальной дерзостью Андрей Рублев согласует между собою яркие, свежие, как бы поющие краски, ничуть не снижая силы цвета, и ставит в центр композиции чистые сияющие цвета драгоценных камней.

Медленнее всего возрождалось каменное зодчество. Общее обеднение страны в результате установления татаро-монгольского ига привело к большому перерыву в каменном строительстве. Во вторую половину XIII в. строительство замирает почти повсюду. Отчасти оно ведется только в Новгороде, в Пскове, в Смоленске, в Галиче. С 1239 г. до начала 90-х годов XIII в. в Новгороде зарегистрировано летописью строительство трех церквей, но только деревянных. Несколько лучше обстояло дело со строительством военно-оборонительных сооружений на северо-западных границах. Военная опасность здесь была слишком велика. Дважды перестраивается деревянный острог вокруг Новгорода, ставится деревянный город — Порхов на Шелони, сооружается деревянная же, а затем перестраиваемая в каменную — крепость Капорье.

В 1292 г. около Новгорода строится первая со времени нашествия Батыя каменная церковь — Николы на Липне. Сильно пострадавшая во время Великой Отечественной войны, но в настоящее время реставрированная, эта цер-

ковь — одна из самых красивых новгородских церквей. Она одноглавая, кровля ее изящно изогнута по трехлопастным аркам. Сравнительно с домонгольскими постройками — она меньше, все здание получило большее единство и устремленность вверх.

Новый тип храма в основном сохраняется в Новгороде в течение всего XIV и XV вв. Наиболее известные из церквей этого типа — церковь Федора Стратилата на Ручье (1360 г.), Спаса на Ильине улице (1374 г.) и Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.), а из погибших во время Великой Отечественной войны: церковь Благовещения на Городище (1342—1343 г.), Спаса в Ковалево (1345 г.) и Успения в Волотове (1352 г.). Отличительная особенность всех этих церквей — декоративные украшения фасадов, не нарушающие общей конструктивной простоты зданий.

Усиленная строительная деятельность в Новгороде относится к середине XV в., когда Новгород, сопротивляясь Москве, всячески стремился возродить свои собственные старые строительные формы и обращался к заимствованиям с Запада. В Новгородском Кремле в это время воздвигается целый комплекс каменных зданий: высокая каменная «часозвоня», грановитая палата для торжественных приемов и заседаний, архиепископский дворец и многое другое. Наконец, в конце XV в. строятся каменные стены Новгородского Кремля.

Общий подъем русского строительного искусства после временного упадка, вызванного нашествием татар, совершается и в других местах северо-западной Руси — особенно в Пскове. Архитектура Пскова близка новгородской, но обладает и своими особенностями: ее формы еще более упрощены. Ее красота — в необыкновенной простоте, скупости украшений. План псковских церквей — четырехугольник, приближающийся к квадрату. Они увенчаны одним куполом, и рядом с ними ставится простая, но изящная звонница.

Замечательно, что все постройки в Пскове возводились крупными строительными артелями. Участие всех жителей позволяло создавать большие крепостные стены, не раз отражавшие натиск врагов. Псковские мастера были настолько искусны, что их впоследствии приглашали в Москву, где они строили не только в самой Москве и в ее Кремле, но и в других городах княжества,

Соперница Москвы Тверь также развивала свое строительство в XIV и XV вв., но о ее постройках известно немного.

В общем развитии русской архитектуры особое значение принадлежало Москве. Здесь общее оживление строительного искусства началось еще до Куликовской победы.

В 1366 г. (по другим сведениям в 1367 г.) началось строительство каменного Московского Кремля вместо деревянных стен Ивана Калиты. Размах работ был грандиозен. Кремль расширился почти до пределов нынешнего. Это строительство было несомненно связано с возвышением Москвы, с укреплением ее боевой мощи, с подъемом ее значения среди других русских княжеств.

С этой поры строительство новых крепостей и церквей ведется не только на северо-западе от Москвы, но и южнее ее — как бы навстречу татарам. В Серпухове будущий сподвижник Дмитрия Донского на Куликовом поле князь Владимир Андреевич строит в 1374 г. дубовую крепость, возводит монастыри и церкви. С 60-х годов XIV в. ведется строительство в Коломне на Оке. Здесь в 1379 г. на месте будущего сбора русских войск под водительством Дмитрия Донского сооружается огромный, самый большой в тогдашней Руси собор Успения. Он был готов как раз ко времени, когда в Коломну подоспели войска всех русских княжеств для выступления против Мамаю. Собор должен был свидетельствовать о мощи Московского княжества, вдохновлять войска на победу. Пришедшие в Коломну войска должны были воочию, в материальном воплощении увидеть мощь Русского государства. И действительно, это было наиболее роскошное и величественное здание в XIV в., превосходившее размерами тогдашний Успенский собор в Москве. В Коломенском соборе сочетались владими́ро-суздальские строительные традиции с народно-русской пирамидальной устремленностью вверх.

После Куликовской победы владими́ро-суздальские традиции еще более развиваются в московском зодчестве.

В конце XIV в. Москва была уже большим городом с огромным количеством гражданских и церковных сооружений. Белокаменная кладка этих зданий, открытая археологами, указывает на то, что Москва продолжала владими́ро-суздальские архитектурные традиции. Об этих же владими́ро-суздальских традициях свидетельствуют сохра-

нившиеся до нашего времени здания: Успенский собор в Звенигороде 1400 г., Троицкая церковь Троице-Сергиева монастыря (1423 г.), собор Саввино-Сторожевского монастыря (1404 г.) около Звенигорода и собор Андроникова монастыря в Москве (одна из самых древних построек, сохранившихся в Москве). Все эти здания близки владимирским храмам XII—XIII вв. и вместе с тем отчасти воспринимают традиции народного деревянного зодчества: новые московские храмы более вытянуты кверху, подражая высоким деревянным церквам с их шатровыми покрытиями.

Подражание деревянному зодчеству в полной мере сказалось в каменных церквах Москвы позднее — в первой половине XVI в., но и в начале XV в. оно было уже достаточно заметно.

Строившиеся без единого гвоздя — только на основе точного расчета искусных конструкций — эти деревянные церкви представляли собой в основном четырехгранный или чаще восьмигранный сруб (последний позволял создавать более просторные и более высокие сооружения, легче сопротивлявшиеся ветру), увенчивающийся высокой кровлей шатром с одной небольшой главой. Эти деревянные сооружения были очень декоративны, что отвечало жизнерадостным народным вкусам.

Интерес к эпохе независимости Руси и к народному зодчеству не случаен: зодчество Руси в XIV—XV вв. развивалось в основном под влиянием тех же идей общего народного возрождения и подъема патриотического самосознания, которые были характерны для всех форм русской культуры XIV—XV вв.

*

В XIV и XV вв. на Руси получают известное распространение естественнонаучные сведения, постепенно накапливаются эмпирические знания. Все больше отходят в прошлое многие языческие верования и анимистические представления, — по крайней мере, в господствующем классе общества. Уже меньше пугают воображение русских людей затмения, кометы, грозы. В XV в. переводятся с различных языков лечебники, космографии, сочинения по астрономии. В летописи второй половины XIV в. встре-

чаются точные конкретные описания симптомов чумы. Летописец подробно описывает распространение чумы. Во второй же половине XV в. в практике Русского государства уже применяются заградительные кордоны для предотвращения распространения заразы, слом зараженных домов, чумные кладбища выносятся за пределы города и т. д.

Непосредственное наблюдение над явлениями природы живо ощущается и в других случаях. В одном из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря находим ряд статей об отдельных явлениях природы. Статьи эти пытаются решить различные сложные вопросы. В одной из них описываются явления атмосферного электричества. Гром и молния происходят, по мнению автора, от столкновения туч, подобно тому, как «и кремень, сразився с железом, грохот испускает с огнем». Объясняет кирилло-белозерский сборник и то, почему запаздывает звук грома сравнительно с молнией: «слышание» — «косно (т. е. инертное, малоподвижное) чувство есть». При этом в сборнике приведена правильная аналогия запаздыванию звука грома: когда дровосек рубит дерево в отдалении, мы сперва увидим удар топора, грохот же слышим только спустя некоторое время.

В кирилло-белозерском сборнике читателям предлагаются и другие статьи: «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О земном устройении», «О расстоянии между небом и землею», «Лунное течение (движение)» и др.

Здесь нет уже представлений о земле — плоскости, как это было, например, в XI—XIII вв. Земля признается шаром, хотя по-прежнему ставится в центр вселенной. По своему положению она подобна «желчи» (желтку) яйца, где белок — воздух, а «черепка» (скорлупа) — небо. Трезвым, деловым характером отличаются фактически цифровые сведения о расстояниях и величине объектов. Указываемые размеры Солнца, Луны хотя и далеки от действительных, но все же приближаются к ним.

Арифметические знания древней Руси, как это видно из применявшихся терминов, выросли на основе практических потребностей торговли. Такое же практическое значение имела и геометрия, развивавшаяся в тесной связи с землемерным искусством: приемы исчисления площадей квадрата, параллелограмма, трапеции, треугольника и т. д.

Практический характер развития отдельных дисциплин чрезвычайно типичен и для других естественнонаучных сведений на Руси XV—XVI вв. Под влиянием потребностей производства возникает интерес к химии красок и чернил, расширяются знания по медицине, анатомии, лекарственной ботанике.

Примером точного знания русскими строителями условий равновесия архитектурных сооружений может служить сложная работа по обновлению сдвинувшихся сводов обгоревшей во время пожара церкви Вознесения в Москве, произведенная мастером В. Д. Ермолиным в 1467 г. По словам летописца, работа эта была так произведена, «яко дивитися всем необычайному делу сему».

Рост эмпирических наблюдений резко сказывается и в литературе путешествий. Русь не осталась в стороне от великих географических открытий конца XV в. В 1466—1472 гг. первым из европейцев тверской купец Афанасий Никитин прошел в Индию и оставил о ней деловитые и обстоятельные записи: «Хождение за три моря».

Умной и разносторонней наблюдательностью «Хождение» Афанасия Никитина выделяется среди других европейских географических сочинений XV—XVI вв. Выдающийся русский востоковед XIX в. И. П. Минаев, рассматривая труд Афанасия Никитина, находит в нем «не один драгоценный факт, важный для понимания староиндийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию». Афанасий Никитин сумел по достоинству оценить чужую страну и чужие обычаи и не изменил своим, сохранив любовь к Русской земле и ее народу.

Путешествовали русские люди не только на Восток. Сохранились обстоятельные описания путешествий русских в Италию на ферраро-флорентийский церковный собор, в Царьград, в Палестину. Русские жили на Балканах, играли существенную роль в политической и культурной жизни Болгарии и Литвы. В последней было особенно много коренного русского населения.

Очень плодотворным для русской культуры XIV—XV вв. было усиленное общение с южнославянскими странами.

Сохранился ряд рукописей, переписанных русскими книжниками в монастырях Афона и Константинополя. С другой стороны, греки, болгары и сербы посещали Нов-

город, Москву и другие русские города. Среди ученых — выходцев из южнославянских стран и из Византии приезжали и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан (болгарин), Григорий Цамблак (болгарин), Пахомий Логофет (серб). Все они сыграли большую роль в развитии русской литературы. Из Византии и южнославянских стран к нам были перенесены многие произведения искусства. Взаимное общение Руси с южнославянскими странами было существенно для культуры Руси, Болгарии и Сербии.

Итак, русская культура в XIV и XV вв. развивалась в тяжелых условиях классовой борьбы народа. Это развитие согревалось идеей национального освобождения от чужеземного ига и объединения всей страны в единое и нерушимое целое. Взоры народа неизменно обращались ко временам, когда Русь была едина, независима и сильна. Вот почему почти во всех областях культуры конца XIV—XV вв. мы видим повышенный интерес ко временам Киевской Руси, к X—XIII вв., к тогдашним произведениям искусства и литературы, к политическим идеям и традициям. Русский народ с особым вниманием обращался к своей истории, и развитие летописания приобрело невиданный размах. Такого количества исторических сочинений и при этом сочинений такого объема и такого влияния на общество не знала ни одна из стран тогдашней Европы. Происходило возрождение культуры, причем та роль, которую в западном Возрождении сыграла античность, в условиях русской действительности XIV и XV вв. принадлежала эпохе национальной независимости — Киевской и Владимирской Руси.